

КОНЦЕПТ «КОРОВА» («БЫК») КАК АРХЕТИП В ДРЕВНИХ ПИСЬМЕННЫХ ТЕКСТАХ

А.Г. Гамбарова

Азербайджанский университет языков
AZ 1014 Баку, Азербайджан, ул. Рашида Бейбутова, 134

XXI век характеризуется как век глобализации и интеграции культур, что, безусловно, накладывает свой отпечаток на развитие когнитивной лингвистики. Когнитивное языкознание позволяет выявить и проследить закономерные основы возникновения и развития человеческого языка как общекультурного феномена жизнедеятельности человечества, а также его особенности в рамках национальной культуры, что в век высоких технологий содействует толерантности, религиозной терпимости и взаимоуважению народов. В статье проведён анализ мифологических и религиозных текстов разных народов и конфессий с целью выявления одного из архетипов К. Юнга. Речь идёт о коллективном бессознательном моделирующей функции определённых слов. Три столетия назад Р. Декарт назвал такого рода архетипы «алфавитом человеческих мыслей». В конце 1650-х годов это выражение находим у математика Блеза Паскаля, а в конце XVII века – в работах Г. Лейбница. Декарт, Паскаль, К. Юнг и некоторые другие известные учёные одними из первых в лингвистике и истории философских учений указали на важность изучения символических примитивов мысли в языковой культуре, которые, по их мнению, являются частью общей языковой картины мира. Одновременно проведён анализ, подтверждающий одно из основных положений современной когнитивной лингвистики о взаимовлиянии языка и культуры, о своеобразности языковой картины мира, положение, выдвинутое в средние века Э.Б. де Кондильяком, впоследствии провозглашённое В. Фон Гумбольдом и способствовавшее появлению теории лингвистической относительности Сепира-Уорфа.

В поле исследовательского зрения – сравнение и сопоставление лексем «бык» и «корова» в русском языке и хинди, и группе индонезийских языков. Исследование опирается на системный анализ известного антрополога К. Леви-Строса и на метод аналогии, широко применяемый лингвистами, культурологами, антропологами.

Ключевые слова: концепт, интеграция культур, когнитивная лингвистика, мифологические тексты, взаимовлияние языка и культуры.

Вопрос семантических примитивов языка своими корнями уходит в историческое прошлое и поэтому необходимо исследовать культурные пласты разных народов, мифологию в первую очередь, чтобы воссоздать полную картину «универсальных атомов смысла». По мнению известных современных мифологов С. и В. Веташ [5], именно когнитивная лингвистика рассматривает язык как средство познания мира. Следовательно, когнитивный анализ может помочь выявить ход мыслей человека в процессе эволюции, сравнивая соотношение

между субъективным восприятием мира человеком и объективным миром.

В статье «Семантика, культура и познание» А. Вежбицкая говорит об универсальных «элементарных человеческих архетипах», существующих в человеческом языке [4, с. 190]. А. Вежбицкая предоставляет список слов, «полученных путём эмпирического анализа отдельных семантических областей ряда европейских языков» [6, с. 190]. Если первично список включал четырнадцать единиц, то последующие исследования привели к его изменению и сокращению.

Автор отмечает, что впоследствии область её исследований расширяется, изменяется первоначальный ряд семантических примитивов, так как к анализу добавляются и эксплицитно выявленные единицы, полученные при сравнении «понятий, лексикализированных во всех языках мира» [4, с. 191].

Подход А. Вежбицкой, безусловно, плодотворен и актуален, он базируется на идеях Г. Лейбница, Р. Декарта, Б. Паскаля о наличии «алфавита человеческих мыслей», то есть элементарных смыслов или семантических примитивов, и нацелен на поиск лексических универсалий языка человеческого в целом. Вежбицкая справедливо утверждает, что решение данной проблемы, а именно проблемы «установления окончательного набора универсальных атомов смысла», является чрезвычайно актуальной и неотложной задачей лингвистической семантики, решение которой будет иметь очень важные последствия не только для лингвистики, но и для теории познания и культурной антропологии» [4, с. 193]. Однако, на наш взгляд, исследования, проводимые в области выявления универсальных атомов смысла человеческого языка, должны быть намного глубже, то есть проводиться на уровне двух срезов: синхронического и диахронического. Причём с учётом уже накопленного богатого антропологического опыта в такого рода исследованиях следует активнее привлекать мифологический материал, религиозные тексты различных народов и т.д. На наш взгляд, более точно высказывается по данному поводу К. Леви-Строс: «... диахроническое исследование должно объяснить синхронические явления», которые можно наблюдать во многих языках [8, с. 20].

Хотя в настоящей статье функционирование концепта «корова» («бык») мы рассмотрим в пределах группы индоевропейских языков, всё же считаем целесообразным дать небольшое пояснение. Во-первых, необходимо иметь в виду, что в индоевропеистике изначально существовал такой праязык, который не был засвидетельствован в письменности. По предположению В.Н. Топорова, с течением времени он (но всё же в пределах древнего периода) «постепенно начал распадаться на отдельные индоевропейские языки. Причём некоторые из них, хотя по географическому ареалу иногда и далеко отстояли друг от друга, в структурном отношении оказались близкими» [11, с. 209-210].

Во-вторых, наше обобщение вызвано необходимостью локализации объекта исследования. В

действительности, между «мёртвым» санскритом (древнеиндийский язык) и некоторыми современными европейскими языками имеется определённое сходство. На этот аспект обратил особое внимание лингвист Ф. Бопп. Сравнивая древние и новые языки, он, в частности, обнаружил сходство во флексиях, фонетических элементах и синтаксических особенностях отдельных слов [14]. Так учёный пришёл к заключению о сходстве и некоторых лексических значений указанных им лексем. Таким образом, обобщение в лингвистическом отношении носит условный характер.

Более чёткий и конкретный характер оно приобретает в тех случаях, когда сравниваются и сопоставляются слова двух или нескольких философских систем. В них, в группе индоевропейских языков, очень сильно влияние религиозных воззрений. Правильно подчёркивал видный исследователь индоевропейских языков М.М. Маковский, что философско-религиозные воззрения древних приобретали существенное ритуальное действие, которое, в свою очередь, оказывало заметное влияние и на развитие языков, так как тесно было связано с религиозной символикой» [9, с. 84-85].

Не становится исключением и концепт «корова» («бык»), приобретающий в индоевропейских языках древнего периода не только религиозно-символический, но и архетипический характер. Интересно, что В.И. Абаев, автор одной из объёмных монографий, среди большого количества имеющихся зоонимов выделял именно концепт «корова». Возможно, преувеличивая, он тем не менее писал: «Из каждого слова, которое мы употребляем, глядят на нас не сорок веков, а по меньшей мере сорок тысячелетий. И если бы не привычность и обыденность повседневной речевой практики, какое-нибудь слово «корова» должно было бы в большей степени приводить нас в священный трепет своей подавляющей древностью, чем все египетские пирамиды» [1, с. 14]. Несмотря на гиперболизацию сопоставления, суть данного зоонима схвачена, на наш взгляд, верно.

Симптоматично, что определённые слова, выражения или термины, включая избранные нами зоологизмы, уже принимают различные значения. К примеру, лингвисты нередко сталкиваются с тем фактом, что названия животных, равно как и слова из других сфер употребления, в переводе на другие индоевропейские языки отличаются от наименований на родном языке.

Схематично обобщая, можно отметить искажения, отступления, смысловые несоответствия и т.д. Если же конкретизировать, то в процессе перевода некоторых зоонимов на русский язык они употребляются как ФЕ или же принимают диаметрально противоположные значения. В том и другом случаях перевод далеко не всегда, к сожалению, оказывается корректным.

Подтвердим отмеченное примерами. Так, общеизвестно, что хинди входит в обширную группу индоевропейских языков. В ней мы и можем обнаружить религиозные воззрения, направленные на охрану и отчасти неприкосновенность священных животных (корову – в первую очередь), которые в зависимости от семантической значимости разделены на две группы. Первая группа носит название «astika», что в переводе с санскрита означает «есть»; «существует», вторая группа называется «nastika», что в переводе с того же языка означает «утверждающие» либо, напротив, «отрицающие».

Функционирование в древних индоевропейских языках полярных смыслов в наименованиях животных, «коровы» («быка») в том числе, имеет своё объяснение. Существо дела заключается в том, что индоевропейские корни с течением определённого времени видоизменялись. Точнее, изменениям подвергались некоторые их элементы (форманты). Тем не менее, некоторые лингвисты склонны были видеть в этих изменениях вообще совершенно разные корни. А это неверно. Модификация форм, как правило, не означает потери семантики. Но всё-таки реконструируется мотивированность лексического значения слов, например, возможны процессы пересечения или же контаминация корней, связанные как с естественным процессом развития самого языка, так и с географическими факторами, изменениями в истории, культуре народа, религии, этнографии и т.д.

На подобные корневые изменения указывает, к примеру, упомянутый В.Н. Топоров. В ряду приведённых им семасиологических параллелей есть и интересующие нас зоонимы. Так, от индоевропейского корня *-ker-* образуется русск. «кустарник». Однако от того же корня и «корова» и «лань». Эти животные – травоядные. Отсюда, по Топорову, литературное *Serti*, что означает «кормление, или питание коров».

Этот же учёный в своей «Этимологии» добавляет существенную деталь, имеющую религиозное значение. Так, корова или бык, а также ягнята, бараны, овцы, свиньи являются жерт-

венными животными. В индоевропейских языках они олицетворяют «пиры, празднества, еду, удовольствие» [12, с. 140]. (Нас смущает только тот факт, что в этот ряд Топоров включает и собаку, которая, как известно, во многих странах жертвенным животным не является). Более того, корова и бык приобретают архетипическое значение в древних родо-племенных отношениях, так как перед этими животными преклонялись, их почитали, приносили в дар богам. В свою очередь колдовство над коровой превращалось в ритуальное действие.

Что же касается корневых изменений, то М.М. Маковский чаще рассматривает детёнышей коровы и быка – телёнка. Умерщвления животной плоти соотносится с индоевропейским корнем *-ter-*, что в русском языке означает «резать». А рождение телёнка на свет, соответственно, противоположно его убийству, смерти. Поэтому в названной монографии он приводит ещё и такое соответствие: средне-нидерландское «*telen*» – рожать, производить на свет. В индоевропейских языках, где телёнок и корова – священные животные, они связаны с образом света и горения. Поэтому от нидерландского (или общеевропейского) корня «*telen*» возникает эллиптическая форма «*tal*» – «гореть», «сиять», а также «вскармливать», «кормить», «оплодотворять», но не «резать», «убивать», «уничтожать». К тому же «телёнок» или «корова», как и ягненок в древних индоевропейских языках, ещё и почитались как «жертва» – «*yagas*».

Отношение к определённым словам, фактам, явлениям определяется в зависимости от религиозного верования мусульманских обществ. В нашем случае особое отношение к корове истонно существует в Индии. Эта лексема, согласно индийским верованиям, относится к первой группе («astika»). «*Ek gaay*» – корова. Действительно, и по сегодняшний день стада коров бродят в почёте и уважении по улицам городов одной из самых древних цивилизаций – индийской. В Индии, имеющей близкие к зороастризму культурные традиции, она – священное животное, воплощение божественного духа, и в большинстве штатов забой коровы, дающей молоко, считается преступлением.

Показательно в лингво-культурологическом плане, что в Индонезии лексема «корова» («*Ika gacow*»; «*sukur gari*») отдалена от верований зороастризма. Поэтому соответственно и имеет несколько иной смысл. Но следует заметить: такое сравнение некорректно в языковом отно-

шении, поскольку языки двух названных стран принадлежат к разным языковым группам и по этой причине генетически несравнимы.

Следовательно, в нашем случае следует говорить лишь о религиозно-философских воззрениях, относящихся ко второй группе («*nastika*»). В чём же лингвистическая разница? Она не принципиальная в буквальном смысле, но всё же в лингвистическом отношении ощутимая. То есть в Хинди «*Ek gaau*» ассоциируется не столько со словом «священная», сколько с выражением «неприкосновенное животное». Это слово имеет сакральный смысл и тесно связано с мироощущением народа в целом. Эта лексема в широком смысле употребляется в значениях «принятие» и «бытие», а в узко религиозном – «правовверный» или «неправовверный». «Правовверными» в Индии считаются те, кто принимает за основу своих воззрений Веды, а «неправовверными» – их не принимающие. Эта информация интересует нас по той причине, что переводчику «*Ek gaau*» с хинди на русский непременно приходится считаться с религиозным подтекстом. А именно: к какой системе относится лексема «корова» – к джайнизму, буддизму, тантризму, шактизму, реалистическому либо пантеистическому мировоззрению автора, включающего её в текст. Ведь в зависимости от перечисленных систем необходимо выбрать верный эквивалент на русском языке. С одной стороны, делается упор на неприкосновенности этого животного вообще, с другой, внимание сосредоточено только на его священнодействии. Между этими понятиями есть определённая разница.

Халафская культура, предшествующая культуре древнего Шумера, возникла, по предположению исследователей, в VII тысячелетии на севере Месопотамии. «Эта культура характеризуется особым почитанием быка» [2, с. 47]. А. Белов проводит параллель между словом «гамеш», переводимом с курдского языка как «буйвол», и последующим появлением «самого популярного героя Шумера – Гильгамеша» и приходит к выводу, что образ Гильгамеша универсален и древнее истории Шумера, так как «найлены фрагменты сказания о герое на хеттском и хурритском языках, а также на аккадском и древнем языке Палестины» [2, с. 47]. А в курдской культуре непосредственно был широко распространён «культ быка Га» [2, с. 47].

Все мифологи единодушны в том, что невозможно анализировать мифы без знакомства с наследием древней Месопотамии, колыбели

многих цивилизаций и культур. Конечно, на первом месте стоит миф Энума Элиш о творении и эпос, посвящённый шумерскому герою Гильгамешу. Из мифа о творении узнаём, что союз бога неба Ана и земли богини Ки рождает бога воздуха Энлиля. Энлиль создаёт мотыгу для людей. Бог мудрости Энки также занят созидательной деятельностью, поскольку «вместе с Энлилем по всей стране он умножил изобилие» [6, с. 20].

Энки продолжает созидание – он строит хлева и овчарни, покровительство над которыми поручается богу-пастуху Думузи. Сочетание «священная борозда» говорит о том огромном значении, которое древние придавали процессу засеивания полей и быку, которого «направляет» сам бог.

В древние времена вновь упоминание о быках встречается в эпосе о Гильгамеше. Богиня Иштар очарована красотой Гильгамеша, но он не разделяет её чувств. Оскорблённая богиня просит богиню Ану создать Небесного Быка и отомстить за неё. «Быка отправляют на землю и он совершает опустошительный набег на Урук, но в конце концов Гильгамеш и Энкиду убивают его» [6, с. 43].

Далее, в тот же древнейший период в египетской культуре бык/корова имели особый смысл. В эпоху Нового царства бог Амон, имеющий огромное значение, был «быком для своего города» [2, с. 27]. Культ быка был популярен в Египте вплоть до прихода римлян, о чём свидетельствует храм быку Апису, построенный Птолемеем V. Апис имел 29 отличий, «которые были известны жрецам» [2, с. 71], в силу которых он становился священным. Апис «являлся объектом поклонения в Мемфисе как инкарнация Осириса и вторая жизнь Пта» [2, с. 72]. Но Апис был не единственным – были «бык Гелиополя Мневис и бык Бахис, и быки Какама, которые, несомненно, также обладали особыми отметинами» [2, с. 72]. К примеру, «Быку Мневису, по-египетски Немуру, поклонялись в Гелиополе, как «живущему богу солнца» и повторению жизни Ра и Осириса» [2, с. 76]. Безусловно, каждый бык был для своего города воплощением той или другой ипостаси божества и являлся объектом поклонения. Для египтян бык олицетворял силу и мужественность, а корова – плодovitость.

Особняком стоит вопрос об использовании данных лексем в языках древнегерманских племён. В качестве сравнения следует указать на руническое письмо как одно из самых крупных

культурных достижений. На заре переселения народов этому письму приписывались мистические свойства. Неслучайно, что первые два знака этого письма «Fehu» – «скот, имущество» и «Uruz» – «зубр». Как видим, ещё в более ранние времена, точнее, в руническом письме, уже указаны «дикие собратья коровы», причём о них было сказано первым порядком. Естественно, такой выбор был неслучайным, а продиктован апостериорно, то есть в иерархии жизненно важных элементов для выживания и деятельности древние германцы определили каждому элементу окружающей действительности свою «заслуженную» и выявленную опытом нишу.

Необходимо подчеркнуть, что «корова» и бык», употребляющиеся как метафоры, считаются в русском языке одними из самых распространённых и экспрессивных. Однако сфера употребления дефиниций у «коровы» заметно шире и частота больше. Причём, форма женского рода в соперничество с «быком» входить не может. В Толковом словаре Ушакова она употребляется в четырёх значениях, среди которых первое – «самка крупного рогатого скота», которое может определить как основное номинативное. Последующие – «дойная корова», «молочная корова» и «бодливая корова» могут быть квалифицированы как номинативно-производные. Они носят гиперономический характер по отношению к основному номинативному. «Бодливая корова» снабжена пометой «просторечное» – так говорят о драчуне. Наконец, в словаре даётся вульгарно-просторечное выражение – когда говорят о неуклюжей и толстой женщине: «Корова этакая!».

О последнем значении нам хотелось бы сказать особо. Оно восходит ещё к Библии, и в его основе лежит стандартная ситуация: полнота женщины непосредственно ассоциировалась с этим словом. Однако в мифологии лексема носила сакрально-божественный характер. Чтобы в этом убедиться, целесообразно, на наш взгляд, обратиться к некоторым произведениям величайших древнегреческих драматургов. Так, в облике коровы выступает любовница Зевса – превращённая девушка по прозвищу Ио (Эсхил «Прометей прикованный»). Но уже в некоторых комедиях Аристофана «корова» употреблялась исключительно в бытовом значении. Возможно, здесь определённую роль сыграли законы жанра. Трагедии, как известно, писались «высоким слогом» и употреблять данную лексему в уничижительном значении считалось некорректным, если не безнравственным. Комедии же создава-

лись «низким языком». Поэтому в творчестве Аристофана актёры нередко надевали маски коровы, тем самым демонстрируя полноту женщин, что вызывало у зрителей улыбку. Таким образом, на протяжении нескольких веков сохранялся образ, безусловно, полезного для человека, но незащитного животного. Большие размеры коровы дисгармонизировали с зоологическим видом – не хищник, а травоядное животное.

Как отмечалось выше, сфера употреблений лексемы «бык» уже. В Толковом словаре Ушакова в качестве основного номинативного значения приведено «самец коровы». Среди номинативно-производных находим выражения «племенной бык» и «олений бык». Далее, выражение «Устой моста» Ушаковым приведено с пометой техническое. А с пометой разговорное – «Упёрся, как бык».

Во фразеологической парадигме реализуются коннотации шутовскости, иронии, пренебрежительности. Ушаков указывает на два фразеологизма. С лексемой «корова» – «Словно корова языком слизала» (говорящий не обнаруживает вещи на привычных местах). С лексемой «бык» – «Брать быка за рога» – то есть уверенно брать-ся за какое-либо конкретное дело, мероприятие.

Несколько беднее сфера употребления настоящих лексем в «Словаре молодёжного сленга». В частности, в нём «корова» вообще не обозначена. Однако семантические множители лексемы «бык» получают здесь своё дальнейшее развитие. А именно, «бык» – это «Волевой человек, по виду которого можно определить, может ли он постоять за себя». Или: «Применяется непосредственно к человеку, который не живёт по понятиям». И в качестве примера Словарь приводит такие выражения: «Ты чё дерзишь?» «Ты чё бычишь?».

Из отмеченного в словарях русского языка становится ясным, что архетип «корова» и «бык» как архетипы актуализируют ассоциации с тем или иным человеком, а также предметом нематериального мира в зависимости от цели высказывания. И показательно, что у разных наций и народностей он приобретает как лингвистическое, так и культурологическое значение.

В Библии краткое упоминание о корове исходит в сказании об Иосифе. Фараон видит сон о семи тучных и семи тощих коровах, вышедших из реки. Иосиф истолковывает это как урожайные и засухливые годы, сменяющие друг друга. Следующее упоминание о тельце связано с одним из самых наказуемых Богом Израиля

святотатств. Библия гласит, что Господь хотел истребить столь «необузданный» народ за такое богопротивное деяние, но только мольбы Моисея отвратили его от этой мысли. Впоследствии, простив народ Израиля, Господь готов принять жертву из крупного скота мужского пола, что, по всей видимости, подразумевало быка, так как жертва из мелкого рогатого скота, овец и птиц оговаривается отдельным пунктом [3]. Символично то, что на требования «делать Бога» Аарон, выходец из Египта, отливает ни какое-то другое животное, а тельца, и как тут не вспомнить о Хатхор.

Следующий принципиальный, определяющий, момент в иудаизме также связан с тельцом. Закономерен тот факт, что евреи, вышедшие из наполненного ритуалами Египта, знакомые с культом Аписа и других священных быков, получают заветы, отличные от предыдущих верований и примет: жертва, принесённая иудеями, не должна иметь особых признаков кроме цвета: предписывается однотонная корова – рыжая, некоторые источники говорят о красной.

Необходимо отметить, что даже сегодня красная или рыжая корова без изъяна, являясь биологической аномалией, отражает древнееврейскую ритуальную традицию. Небезынтересно, на наш взгляд, попутно заметить, что с такого рода биологическими аномалиями нередко можно столкнуться в религиозных системах и других народов. Ярким примером может служить широко известный огузский эпос «Китаби Деде Коркут», в котором наряду с чёрными и белыми лошадьми в массе своей употребляются также и несуществующие в природе красные, рыжие и в особенности синие морские лошади. Оказывается, как красные и рыжие коровы, они тоже употреблены в эпосе в символическом ключе. Только синие лошади в «Китаби Деде Коркут» – это, как нам представляется, особая буква «алфавита человеческих мыслей»; они имели религиозный оттенок, считались снизошедшими с небес и имели прямое отношение к божеству.

Особое место занимает бык и корова у древних индоиранцев, в зороастрийской мифологии и «Авесте». Как указывает Рак, Заратуштра появляется в то время, когда «иранские племена по большинству уже переходили к оседлой жизни... В «Гатах» превозносятся «мирная пастьба», плодovitый тучный скот» [10, с. 23]. И здесь же

провозглашается один из основных этикетов новой религии. В среднеперсидской традиции расклад мироздания был таков: сначала сотворено небо, затем вода, третьей была земля, четвёртым творением Ахура Мазды были растения, пятым был Первозданный Бык и последним был Первый человек – Гайя Мартан.

Ещё одна культура, имеющая богатую мифологию, китайская, не обошла быков своим вниманием. Был в Китае когда-то бог солнца Янь-ди. Янь-ди помогал людям во всём: научил сеять злаки. Следующий китайский миф – о том, как быки используются в качестве приманки для врага. Правитель государства Цинь, Хуэй-ван, хотел подчинить себе государство Шу. Но Шу жил в горной, труднодоступной местности. Хуэй-ван идёт на хитрость: «Он приказал соорудить пять каменных быков и велел каждый день класть под них кусочки золота. Потом он распространил ложные слухи о том, что эти быки были волшебные и из-под них каждый день выгребают кучи золота» [13, с. 186]. Далее, повествует миф, правитель Шу соблазняется слухами и прокладывает дорогу к своей стране, чтобы перевезти быков. Дорогу назвали «дорогой золотых быков», быков привезли, но золота, конечно, не было. Или ещё один миф, в котором упоминается о быках. Ли-бин получил во владение область Шу. Каждый год дух реки Янцзы получал в жёны двух красивых девушек, в противном случае «он поднимал громадные волны до неба, вызывая наводнение» [13, с. 188]. Ли-бин вызывает дух реки на бой, он принимает облик быка и дерётся насмерть. Поединок отнимает у него много сил, и он обращается за помощью к народу.

Сегодня, в XXI веке, избранная нами тема статьи продолжает быть актуальной. Архетип «коровы» и «быка» следует считать фрагментом языковой картины мира. И изучение данной темы важно как в синхроническом, так и диахроническом срезе. Другими словами, эта тема затрагивает интересы человека античного мира, монотеиста времён Моисея и мусульманина, чья священная книга Коран имеет 114 сур, а самая большая сура, вторая, кстати сказать, называется именно «Корова» [7]. Эти лексемы имеют архетипическое значение и в европейских культурах, но это является уже темой отдельного исследования, выходящего за рамки настоящей статьи.

Список литературы

1. Абаев В.И. Понятие идеосемантики // Язык и мышление. Москва-Ленинград, Издательство Академии наук СССР, 1948, выпуск XI, с. 13-28.
2. Белов А. Путь ариев. М., 2009, 224 с.
3. Библия, Изд.5-ое. М., 2016, 1376 с.
4. Вежицкая А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифических контекстах. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/wierzbiicka-93.htm> (Дата обращения: 13 декабря 2019)
5. Веташ С.и В. Астрология и мифология. С-Петербург, 1998,1072 с.
6. Евсюков В.В. Мифы о Вселенной, Новосибирск, 1988, 170 с.
7. Коран. Перевод академика К. Крачковского. URL: <https://falaq.ru/quran/krac/> (Дата обращения: 05 октября 2019)
8. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М. 2001. 512 с.
9. Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений. Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. М.: Высшая школа. 1979. 200 с.
10. Рак И.В. Зороастрийская мифология, М. 1998. 560 с.
11. Топоров В.Н. Миф, ритуал, символ, образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. М.: Наука, 1995, 624 с.
12. Топоров В.Н. Из славянской языческой терминологии: индоевропейские истоки и тенденции развития // Этимология. М.: Наука, 1989. 256 с.
13. Юань Кэ. Мифы древнего Китая, «Наука», М.:1987. 527 с.
14. Bopp Fr. A comparative Grammar of the Sanscrit, Zend, Greek, Latin, Lithuanian, Gothic, German, and Scannic Languages. London. Cambridge University Press, April, 2011. 311 p.

Сведения об авторе:

Гамбарова Афаг Гасан гызы – доктор философии по филологии, доцент Азербайджанского университета языков (Азербайджан, Баку). E-mail: sevinc.n@mail.ru

CONCEPT “COW” (“BULL”) AS AN ARCHETYPE IN ANCIENT WRITTEN TEXTS

A. G. Gambarova

Azerbaijan University of Languages
134 Rashid Beybutov St., Baku AZ 1014, Azerbaijan

Abstract: *The 21st century is characterized as the century of globalization, the integration of cultures, which, of course, leaves its mark on the development of cognitive linguistics. Linguistics as a science of language, reflects all the changes that occur in the thinking and speech behavior of modern society. Cognitive linguistics makes it possible to identify and trace the logical foundations of the emergence and development of the human language as a general cultural phenomenon of human life and its features within the framework of a national culture. Cognitive studies in the language bring people together with different levels of development, culture and religious affiliation, which is necessary in the high-tech age, as they promote tolerance, religious tolerance and mutual respect. The article analyzes the mythological and religious texts of different peoples and faiths in order to identify one of C. Jung's archetypes. It is a collective unconscious modeling function of certain words. Three centuries ago R. Descartes called such archetypes “the alphabet of human thoughts”. Then this expression was partially used in the late 1650s by the mathematician Blaise Pascal, and later applied in the works of G. Leibniz at the end of the 17th century. It is noteworthy that Descartes, Pascal, C. Jung and some other famous scholars were among the first in linguistics and the history of philosophical teachings to point out the importance of studying the symbolic primitives of thought in linguistic culture. They believed that such archetypes, thanks to symbolism, are part of the general linguistic picture of the world. At the same time the analysis was carried out, confirming one of the main provisions of modern cognitive linguistics about the interplay of language and culture, the*

originality of the linguistic picture of the world put forward in the Middle Ages by E. B. de Condillac, later proclaimed by W. von Humbolt, and underlying Sapir-Wharf's theory of linguistic relativity.

Not trying to "grasp the immensity", the author of the article did not set a goal to indicate the use of the tokens "bull" and "cow" in different ancient languages. For example, in Asia and the East they acquire individual meaning in the group of Semitic languages (Arabic, etc.) or Turkic-speaking (Turkish, etc.). They are beyond the scope of our study. Comparisons and comparisons of these lexemes only in Russian and Hindi and a group of Indonesian languages come into view. Some other isolated parallels relate to the so-called "background information". The study relies on a systematic analysis of the famous anthropologist K. Levy-Strauss and on the analogy method, widely used by linguists, culturologists, and anthropologists.

Key Words: *concept, cultural integration, cognitive linguistics, mythological texts, the influence of language and culture*

References

1. Abayev, V.I. Ponyatie ideosemantiki [The concept of ideosemantics] // Yazyk i myshlenie. Moskva-Leningrad. Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. 1948. Vypusk XI. s. 13-28.
2. Belov, A. Put ariev [Way of the Aryans]. M. 2009. 224 s.
3. Bibliia [The Bible]. Izd. 5-oe. M. 2016, 1376 s.
4. Vezhbickaia, A. Semantika, kultura i poznanie: obshechelovecheskie ponatiia v kulturospecificheskikh kontekstakh [Semantics, culture and cognition: universal concepts in culturally specific contexts], www.philology.ru/linguistics1/wierzbicka-93.htm (Accessed: 13 December 2019)
5. Vetash, S.I. V. Astrologiia i mifologiia [Astrology and mythology]. S-Peterburg: 1998, 1072 s.
6. Evsyukov, V.V. Mify o Vselennoi [Myths about the Universe]. Novosibirsk: 1988, 170 s.
7. Koran [The Quran]. Perevod akademika K. Krachkovskogo, falaq.ru/quran/krac/ (Accessed: 05 October 2019)
8. Levi-Stross, K. Strukturnaya antropologiya [Structural anthropology]. M.: 2001. 512 s.
9. Makovskiy, M.M. Udivitelny mir slov i znacheniy. Illiuzii i paradoksy v leksike i semantike [An amazing world of words and meanings. Illusions and paradoxes in vocabulary and semantics]. M.: Vysshaia shkola. 1979. 200 s.
10. Rak, I.V. Zoroastriiskaia mifologiia [Zoroastrian mythology]. M.: 1998. 560 s.
11. Toporov, V.N. Mif. ritual. simvol. obraz: issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo: izbrannoe [Myth. ritual. simbol. image: issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo: izbrannoe]. M.: Nauka. 1995. 624 s.
12. Toporov, V.N. Iz slavianskoy iazycheskoy terminologii: indoevropeyskie istoki i tendentsii razvitiia [Iz slavianskoy iazycheskoy terminologii: indoevropeyskie istoki i tendentsii razvitiia] // Etimologiia. M.: Nauka. 1989. 256 s.
13. Yuan, Ke. Mify drevnego Kitaia [Myths of Ancient China]. «Nauka». M. 1987. 527 s.
14. Bopp, Fr. A comparative Grammar of the Sanscrit, Zend, Greek, Latin, Lithuanian, Gothic, German, and Scannic Languages. London. Cambridge University Press, April, 2011, 311 p.

About the author:

Gambarova Afag Hasan – Doctor of Philosophy in Philology, Associate Professor of Azerbaijan University of Languages; E-mail: sevinc.n@mail.ru

★ ★ ★